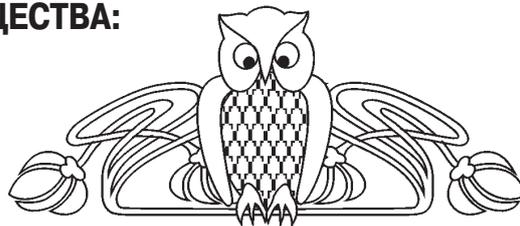

УДК 316.3

РИСКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРАНЗИТА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Данилов Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье анализируется институциональное измерение революционного общества. Анализ трансформации революционного социума представлен в контексте соотношения формальных и неформальных институтов с позиций ценностных и институциональных факторов. Исследуется фактор власти в условиях революционной риск-динамики, обосновывается, что изменение института власти выступило тем системообразующим риском, который привел к коренным преобразованиям институциональной структуры социума. Процессы десакрализации власти, личностно-персонифицированный тип политической институализации которой был укоренен в мощнейшем социокультурном потенциале, обусловили интенсивность трансформаций. Неформальные институты активировали реверсивный характер революционного транзита. На примерах революционного общества начала XX в. рассмотрена незавершенная институализация и ее измерение – реверсивная институализация, предполагающая возвращение к прежним институциональным формам. Также отмечается, что неукорененность «импортированных» институтов как следствие незавершенной институализации приводит к воплощению сценария восстановления порядка. Стремление к снижению рискогенности социального транзита «возвращает» сознание человека и общества к устойчивым, определенным и стабильным форматам. В работе обозначена проблема ценностно-институциональных рассогласований, когда ценностные импульсы (революционный романтизм) не смогли преобразоваться в устойчивость новых институциональных конструкций. Этим можно объяснить особенности формирования социального порядка «постоктябрьского» российского общества.

Ключевые слова: институт, революция, риск, ценности, институализация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-384-387

У общества есть важнейшее измерение – институциональное, то, что образует его фундамент, определяет структуру и функции, формирует его динамику. Особый интерес проявляется к динамическим состояниям обществ, и революционный социум является тому подтверждением. Революция, согласно одному из множества определений, процесс коренных преобразований, затрагивающий экономические, культурные, политические основы общества. Институты, будучи правилами, нормами, в соответствии с которыми осуществляется социальный процесс, являются «камнем преткновения» в радикальных преобразованиях. Построение «нового мира» невозможно без новых норм, процедур, правил,

т.е. институтов. Институты, согласно Д. Норту, есть рамки, определяющие пределы взаимодействия людей и включающие в себя: во-первых, формальные (писанные) ограничения в форме предписаний и правил (юридические нормы), во-вторых, определенные процедуры, позволяющие выявить и не допустить отклоняющееся поведение. И наконец, в-третьих, неписанные обычаи, кодексы поведения. Институты – это «структурные формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения» [1, с. 79].

Анализ динамики революционного социума являет нам опыт институциональных трансформаций как проблемы соотношения формальных и неформальных правил. Революционный социум как пример транзитивного общества демонстрирует конфигурации взаимодействия формальных и неформальных институтов. Такое разделение в институциональной науке существует, и за ним стоит определение правил официально закрепленных, признаваемых, и норм, которые сложились неофициально на основе социокультурного фундамента общества. Д. Норт полагает, что правила формального характера могут быть мобильно изменены через соответствующие официальные процедуры, например, юридического или политического характера, а «неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям» [2, с. 21]. Неформальные институты или институции сыграли важнейшую роль в динамике революционного транзита.

Эволюционный институционализм Д. Норта показал, что под влиянием факторов различного рода могут меняться как отдельные институты, так и институциональная структура общества. В случае с российским опытом революции, трансформация института власти выступила тем системообразующим риском, который привел к коренным преобразованиям всей институциональной структуры общества. Вообще рискогенность институциональной сферы общества актуальнее всего проявляется при исследовании

политических процессов, что объясняется тем, что «политические силы, стоящие у власти, через важнейшие элементы политического порядка оказывают воздействие на жизненные ресурсы социальных общностей» [3, с. 35]. Действительно, власть в России больше чем власть, она и сакральный гарант социального порядка, и ключевой символ русской культуры, и фактор геополитического процесса. Российский политический порядок – моноцентричный порядок самодержавной власти, укрепленной в своем единоначалии. Интересна позиция Карамзина, полагавшего, что самодержавие – это вечный институт для России, и русская власть не должна быть ограниченной ничем – парламентом, судами и т.д. Русская власть должна быть неограниченной.

Неизбежно, что говоря о единоначалии, мы закономерно обращаемся к личностному измерению политического порядка. Царь как помазанник Божий венчал собой политическую пирамиду, находясь во главе ее. Легитимация его как центра достигалась «согласованием его с некоторыми фундаментальными нормами, которые были присущи порядку, будь он космическим, природным или исходил от власти – верховной, трансцендентной. Такое единоначалие выстраивало систему отношений, где власть-личность доминировала над властью-институтом. Личностно-персонифицированный тип политической институализации был укоренен в мощнейшем социокультурном потенциале, обеспеченном потенциалом культурной традиции и религиозной нормы. Потенциал личностного измерения власти оказывался сильнее, чем ресурс абстрактных, формальных институтов. К личности правителя (царя, императора, вождя народов, президента) всегда осуществлялась нравственная апелляция, к нему обращались в поисках правды и справедливости. Закономерно, что устранение царя как института и как человека породило беспокойство и рост негативных настроений при восприятии февральских событий 1917 г., когда «простые люди спрашивают в тревоге: откуда пришла гроза, что сделалось там, в столицах, может ли земля быть без царя, и кто же теперь будет править?» [4, с. 4].

Постреволюционный транзит, последовавший за событиями 1905 г., свидетельствует о плюрализации политического процесса в России. Октябрьский манифест, деятельность государственных дум – всё как бы говорило о том, что общество готово было освоить потенциал свободы, особенно политической. Социальное многообразие российского общества, проявляющееся в этническом, политическом, религиозном измерениях, безусловно, нуждалось в представительстве, партийном, парламентском. Но обретаемые

институциональные формы и проявившиеся риски институционального строительства вызвали у населения ассоциации «множественности» власти с «беспорядком», угрожавшим единству традиционного социального порядка. Так, во время Февральской революции общественное сознание обращалось к образу царя как оплоту единства, стабильности, преодолению вызовов.

Россия – властеориентированный социум, «властечентричный» в определении Ю. Пивоварова или «стержень, вокруг которого строится общество» – М. Горинова, и власть в лице государства всегда выступала в качестве источника изменений – модернизации, реформы, революции. Процесс складывания новых институтов вынужденно проходил вместе с формированием правил самого институционального строительства, решением задач достижения, с одной стороны, институциональной самостоятельности, как в случае с политическими партиями, так и потребностью в достижении консенсуса, с другой стороны, о чем свидетельствует опыт достижения единства в деятельности государственных дум. Единая линия, отражавшая логику власти, была расколота и размыва множественными дискурсами («левые», кадеты и др.), что свидетельствовало о росте рассогласований. Парламент, на который верховная власть рассчитывала как на площадку, где политические силы смогут «выпустить пар», стал впоследствии генератором революционного процесса: здесь мы поспорим с позицией, согласно которой Государственная дума выступила скорее символом, чем активным механизмом изменений.

Традиции, обычаи как неформальные институты могут иметь важное ресурсное значение. Согласно Д. Норту, они могут служить эффективным заменителем формальных институтов, высвобождая и экономя общественный ресурс. В опыте российского революционного процесса социокультурные основы, с укорененной традицией восприятия власти как личностно-персонифицированного явления, выступили важным фактором социально-ментальных процессов: во-первых, неформальные институты, активировав реверсивный характер революционного транзита, «вернули» общество к прежним формам на новом историческом уровне. Так возник культ А. Ф. Керенского как демократического вождя, а впоследствии – однопартийность, вождизм, моноидеология. Во-вторых, неформальная институциональность способствовала блокировке новых институтов, интегрируемых новыми политическими силами.

Анализ революционного процесса показывает, что его рамки не ограничиваются одним

1917 г. и двумя революциями: февральской и октябрьской. Она начинается гораздо раньше, и это, как минимум, 1905 г. в своей активной транзитивной фазе. Такая транзитивность может быть описана в терминах незавершенной институализации – одного из ракурсов многомерной революции, характеризующейся демонтажом прежних институциональных образований и генезисом новых институциональных структур. Одно из измерений незавершенной институализации – состояние, определяемое как «реверсивная институализация» – процесс формирования институциональной структуры, характеризующийся возвращением к прежним институциональным формам, избираемым в качестве наиболее устойчивых.

Так, очевидно, что свержение старого режима и устранение института царской власти после октября 1917 г. приводит к образованию не менее авторитарного политического порядка. Такой «реверсная» динамика обусловлена складывающимся контекстом, когда существующие конфигурации политического порядка неэффективны – раздвоение власти, многообразие внешних угроз для нового, устанавливающегося режима. Институциональный транзит революционной России характеризовался ростом нестабильности, неопределенности, угрожавших хаотизацией социума. Возвращение утраченной централизации в более жестких формах соответствовало духу времени и идее «диктатуры пролетариата». Фигура царя-богоносца как средоточия народного доверия, которая была устранена из институциональной структуры общества, нуждалась в «реставрации», поэтому необходимость и потребность в факторе сильной власти определила тенденцию возвращения к её авторитарно-персонифицированной форме.

В условиях военного времени, когда враг у ворот, и очевидна неукорененность «импортированных» институтов как следствие незавершенной институализации, начинает реализовываться сценарий восстановления порядка. Этот возврат носит, прежде всего, характер активации тех сформировавшихся ранее устойчивых представлений о правильной, сильной власти, к которой обращается как индивидуальное, так и общественное сознание. Сознание человека направлено на реновацию форм, обеспечивающих устойчивость в состояниях риска, когда система характеризуется неопределенностью, нестабильностью.

Такие состояния можно определить как амбивалентные, характеризующиеся не просто двойственностью, но и противоречивыми, полярными состояниями, которые, соединяясь,

образуют неустойчивые риск-конструкции. Так, с одной стороны, укоренялся антимоноархизм февральской революции 1917 г., а с другой стороны, как отмечает Б. Колоницкий, в сознании современников февральской революции формировались следующие конструкты: «нам нужен выборный царь», или «мы хотим демократическую республику и царя-батюшку на три года», «государя нужно выбирать из высших людей, на несколько лет, как выбирают старост» [5].

Также отметим, что ценностно-институциональные рассогласования – типичный случай революционного процесса, который возникает как ценностное явление, когда действующие силы ориентированы и движимы идеалами свободы, справедливости, равенства. Очевидно, что опыт мобильного конструирования социальных институтов никогда не был свойственен России, в историческом опыте которой всегда необходимо учитывать фактор культуры, с которым институциональный инжиниринг практически не считается. В этих условиях дисбаланс между ценностным и институциональными факторами заложен изначально, и его активация, реализующая разрушительный для социального порядка потенциал, возникает при нарушении нормативно-ценностного равновесия. Ценностные импульсы как выражение революционного романтизма не получили эффективную конвертацию в устойчивые институциональные конструкции, не стали устойчивой институциональностью – новыми правилами, процедурами. В ходе этого стал возможен октябрьский прорыв, сформировавший жесткий социальный порядок. Революционные преобразования институциональной среды касаются, прежде всего, формальных конструкций, и их интеграция в общество проходила без учета неформальных институтов. Культуру не «слушали», но использовали, активизируя стереотипы, архетипы и мифологию. Конструирование постоктябрьского государства осуществлялось на основе теоретической модели марксизма, также, по сути, импортированной.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-12009 а(ц) «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс»).

Список литературы

1. Норт Д. Институты и экономический рост : историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 69–91.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.

3. Орлов М. О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов : социально-политическая сфера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 34–40.
4. Короленко В. Г. «Была бы жива Россия!» : неизвестная публицистика. 1917–1921 гг. / сост., предисл., коммент. С. Н. Дмитриева. М., 2002. 430 с.
5. РГИА (Рос. гос. ист. архив). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л.133, 474.

Образец для цитирования:

Данилов С. А. Риски революционного транзита и институциональное измерение общества: социально-философские основания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 384–387. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-384-387.

Risks of Revolutionary Transit and the Institutional Dimension of Society: Socio-Philosophical Grounds

Sergey A. Danilov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

The article analyzes the institutional dimension of a revolutionary society. The analysis of the transformation of the revolutionary society is presented in the context of the correlation of formal and informal institutions, from the standpoint of value and institutional factors. The author examines the power factor in the conditions of revolutionary risk dynamics, justifies that the change in the institution of power has acted as a system-forming risk that led to radical changes in the institutional structure of the society. The processes of desacralization of power, a person-personified type of political institutionalization of which was rooted in a powerful social and cultural potential, led to the intensity of transformations. Informal institutions, activated the reverse character of revolutionary transit. On examples of the revolutionary society of the beginning of the 20th century, unfinished institutionalization and its dimension are considered – a reversible institutionalization, involving a return to the old institutional forms. It is also noted that the rootlessness of the “imported” institutions as a result of incomplete institutionalization leads to the implementation of a scenario for the restoration of order. The desire to reduce the risk of social transit “returns” the consciousness of man and society to stable, specific and stable formats. The problem of value-institutional disagreements is pointed out in the work, when the value impulses (revolutionary romanticism) could not be transformed into the stability of new institutional designs. This can explain the features of the

formation of the social order of the “post-October” Russian society.
Key words: institute, revolution, risk, values, institutionalization.

Acknowledgements: Article is prepared with financial support RGNF, the project 15-33-12009 а (с) «Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse».

References

1. North D. Instituty i ekonomicheskiy rost: istoricheskoe vvedenie (Institutions and economic growth: a historical introduction). *THESIS* [Thesis], 1993, vol. 1, iss. 2, pp. 69–91 (in Russian).
2. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1990. 159 p. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, 1997. 180 p.).
3. Orlov M. O. Diskursivnoe upravlenie sotsialnoy dinamiko globalnykh protsessov: sotsialno-politicheskaya sfera [Discursive management of social dynamics of global processes: socio-political sphere]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 34–40 (in Russian).
4. Korolenko V. G. «Byla by zhiva Rossiya!»: neizvestnaya publitsistika. 1917–1921 gg. [“Russia would be alive!”: Unknown publicism. 1917–1921. Originator, preface, comments S. N. Dmitrieva]. Moscow, 2002. 430 p. (in Russian).
5. *HRGIA* [The Russian state historical archive]. Fund. 1405. Inventory. 521. Case. 476. Sheet.133, 474 (in Russian).

Cite this article as:

Danilov S. A. Risks of Revolutionary Transit and the Institutional Dimension of Society: Socio-Philosophical Grounds. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 384–387. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-384-387.